

Н.М. Искандарян (Ереван, Армения)

**Война как онтологическая катастрофа
в романе Левона Хечояна «Черная книга, тяжелый жук»¹
(трансформация военного нарратива в армянской литературе конца XX века)**

Аннотация: Роман Левона Хечояна «Черная книга, тяжелый жук» (1999), удостоенный государственной литературной премии Республики Армения «Золотой тростник», является одним из наиболее значимых произведений армянской военной прозы конца XX в. Автор, сам участник Первой Карабахской войны, отвергает традиционный героический нарратив и романтизацию конфликта, представляя войну как универсальную онтологическую катастрофу, разрушающую идентичность, моральные основы, временные и пространственные представления, добро и зло, человеческие связи. Повествование построено в форме дневниковых записей писателя Онана Караяна, где документальная достоверность сочетается с глубокой философской рефлексией. Центральный символ «тяжелый жук» – предвестник смерти и утраты души – пронизывает текст, подчеркивая неизбежность психологической травмы и ницшеанского «вечного возвращения» к разрушению (параллели с Ницше, Данте, Камю, Сартром). Хечоян поднимает вопросы универсальной человеческой трагедии: отсутствие настоящих победителей в любой войне, взаимное уничтожение душ, молчание Бога, страх как онтологическая константа бытия. Сравнительный анализ с романами В. Астафьева («Прокляты и убиты») и Э.М. Ремарка («На Западном фронте без перемен») выявляет сходство в опоре на личный фронтовой опыт, но подчеркивает специфику Хечояна – переход от историко-социального к метафизическому осмыслению войны как абсолютного поражения человечества. Исследование показывает, что роман актуализирует живую травматическую память, призывая осознать войну как преступление против разума, культуры и самого существования, где единственный путь к спасению лежит через диалог, ответственность и отказ от ненависти.

Ключевые слова: Левон Хечоян, «Черная книга, тяжелый жук», армянская военная проза, Карабахская война, онтологическая катастрофа, травма войны, символ жука, антивоенная литература, философская проза, утрата идентичности

¹ В 1999 г. за роман «Черная книга, тяжелый жук» Хечояну была присуждена государственная литературная премия «Золотой тростник» (Армения).

War as an Ontological Catastrophe in Levon Khechoyan's Novel *Black Book, Weighty Bug* (Transformation of the War Narrative in Late 20th-Century Armenian Literature)

Abstract: Levon Khechoyan's novel *Black Book, Weighty Bug* (1999), awarded the State Literary Prize of the Republic of Armenia "Golden Reed," stands as one of the most significant works of late 20th-century Armenian war prose. Drawing from his own experience as a participant in the First Karabakh War, the author rejects traditional heroic narratives and romanticization of conflict, portraying war instead as a universal ontological catastrophe that dismantles human identity, moral foundations, perceptions of time and space, notions of good and evil, and interpersonal bonds. The narrative is structured as diary entries by the writer-artist Onan Karayan, blending documentary authenticity with profound philosophical reflection. The central symbol of the "weighty bug" – a harbinger of death and soul-loss – permeates the text, underscoring the inevitability of psychological trauma and the Nietzschean "eternal return" to destruction (with parallels to Nietzsche, Dante, Camus, and Sartre). Khechoyan raises questions of universal human tragedy: the absence of true victors in any war, mutual soul-destruction, the silence of God, and fear as an ontological constant of existence. A comparative analysis with Viktor Astafiev's *Cursed and Killed* and Erich Maria Remarque's *All Quiet on the Western Front* reveals similarities in reliance on personal frontline experience, yet highlights Khechoyan's distinctive shift from historical-social to metaphysical interpretation of war as the absolute defeat of humanity. The study demonstrates that the novel revitalizes living traumatic memory, urging recognition of war as a crime against reason, culture, and existence itself, where salvation lies solely in dialogue, responsibility, and the renunciation of hatred.

Key words: Levon Khechoyan, *Black Book, Weighty Bug*, Armenian war prose, Karabakh War, ontological catastrophe, war trauma, beetle symbol, anti-war literature, philosophical prose, loss of identity

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман Левона Хечояна «Черная книга, тяжелый жук», увидевший свет в 1999 г., является выдающимся феноменом армянской военной прозы. Роман представляет собой одно из наиболее мощных и философски насыщенных произведений армянской литературы конца XX в. В центре повествования – человеческий опыт войны, увиденный не только как историческое событие, но прежде всего как онтологическая катастрофа, разрушающая основы бытия, идентичность и внутренний мир человека. Действие романа связано с I Карабахской войной, которая стала для армянского народа рубежом глубоких духовных испытаний. «Если речь идет о войне, естественно предположить, что в произведении должна присутствовать героика. Однако выясняется, что ее нет: вместо нее – горькое, никогда не рассеивающееся разочарование, поскольку обстоятельства искажают гармонию жизни»¹. Хечоян показывает войну не как героический эпос, а как процесс тотального распада привычных структур существования: здесь рушатся представления о времени, памяти, добре и зле, о человеческих отношениях и даже о самой возможно-

¹ Григорян В. Творчество Левона Хечояна. Ереван: Армав, 2019. С. 248

сти рационально объяснить происходящее. «Произведения, посвященные войне, со временем существенно изменили свою природу. В определенный момент становятся относительно или даже совершенно несущественным, о каком именно историческом периоде или конкретных событиях идет речь, поскольку для писателя первостепенное значение приобретает постижение самого феномена войны и порождаемого ею разрушения, а не конкретного события как такового. В силу этого роман “Черная книга, тяжелый шмель” является не столько повествованием о Карабахской войне за существование, сколько книгой о войне как таковой. Речь здесь идет не о победе, а о поражении человека. Хечоян принадлежит к тем немногим, кто осознал: даже в войне, свободной от ядерного оружия, победителей не бывает. Ибо сегодня предметом тревоги писателя выступает все человечество в целом. Никто не может спастись за счет другого. Уничтожение жизни обесценивает сам смысл борьбы»¹.

В своем романе Хечоян создает литературу живой, еще не угасшей памяти, актуализируя трагические реалии ближайшего прошлого – события, очевидцами которых мы стали вчера и продолжаем оставаться сегодня. «Этот роман – о войне и художнике. Художнике, который видит мрак смерти и свет звезд, который в лучшие годы своей жизни бродит между смертью и границей счастья, веря в победу человека» – начертанная на обложке эта эпиграфическая директива не только задает читателю определенное направление для постижения смысла романа, но и по существу обозначает художественную отправную точку, от которой разворачивается фабульное действие и психологическое развитие героев. Хечоян сам прошел через войну и ввел эту тему в литературу уже с новым осмыслением и художественной обработкой. «Задача писателя сегодня, – писал Хечоян в одной из своих статей, – состоит не только в том, чтобы, создавая героические романы, воспитывать поколения для сохранения неприкосновенности Родины, но и в том, чтобы представить исчезновение одного народа, одного государства как катастрофу для всей планеты. Литература способна дать возможность ненавидеть войну без оглядки на то, чья это война»². Это литературный манифест Хечояна конца 1990-х – начала 2000-х гг., посвященный роли литературы в контексте последствий I Карабахской войны.

Роман начинается с эпиграфов Басе и Данте, напоминающих о преддверии ада. Он напоминает странников дантовского Ада или больного путника Басе, но в армянской реальности. Данте и Хечоян решают одну задачу: как говорить правду о предельном опыте тем, кто его не пережил? «Этот пламень не изрыгал бы слов напрасно...» (Данте) и «тяжелый жук» памяти (Хечоян) – два образа внутреннего голоса, который звучит несмотря на невозможность полного понимания. Оба автора выбирают исповедь без прикрас, зная, что истина войны принадлежит только тому, кто ее пережил. А хайку XVII в. «На пути своем я захворал: И в мечтах скитаюсь По выжженным солнцем нивам» удивительно предвосхищает опыт современного военного ветерана: болезнь на пути (война), одиночество в сновидениях (галлюци-

¹ Григорян В. Творчество Левона Хечояна. С. 241

² Хечоян Л. На железных дорогах Европы // Литературная газета. 2001. № 1–15 (<https://nashasreda.ru/levon-hechoyan-na-zheleznyx-dorogax-evropu/>). В июне-июле 2000 г. Хечоян участвовал в мероприятии под названием «Литературный экспресс», организованном Бундестагом Германии и прошедшим под эгидой Евросоюза и ЮНЕСКО. Побывал в 21 городе Европы. В Мадриде, Париже, Калининграде и Берлине прочитал доклад на тему «Война и литература». В 2001 г. в Берлине на немецком языке вышел в свет сборник произведений 103 писателей «Europa Express», куда вошло также эссе Хечояна «На железных дорогах Европы». Этот же сборник на русском языке был опубликован в 2001 г. в издательстве «Радуга» под названием «Литературное расписание Европы».

нации о погибших товарищах), пустынные поля (выжженные степи Арцаха). Басе и Хечоян говорят об одном: после предельной ситуации человек навсегда остается странником между мирами. И прежде чем мы погрузимся в сюжетное развитие, из авторского посвящения узнаем, что в произведении речь пойдет о бойцах, не склонившихся перед смертью, но и не насмежавшихся над Богом.

Для автора и для читателя война в этом контексте обладает ценностью подлинности и исторического факта. На первый взгляд может показаться, что роман тяготеет к жанру дневника-хроники (Хечоян выбирает дневниковый стиль повествования), где документальная достоверность фактов и тождественность главного героя-писателя не вызывают сомнений. О войне мы узнаем из дневниковых записей солдата Онана Караяна («Отрывки из дневника»). Дневники – это его внутренние монологи. Художник воссоздает картины военного времени, неопределенные, тревожные, трагические. Герой Хечояна – это человек, оказавшийся в эпицентре войны и вынужденно невольно продолжающий жить по законам этой войны, без ложного пафоса, без возвышенности. Особая ценность романа Хечояна заключается в том, что, подобно «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева, он опирается на личные впечатления писателя-фронтовика. Это придает повествованию невероятную достоверность и эмоциональную насыщенность. При этом у Астафьева война показана глазами как советских солдат, так и (отчасти) немцев. И Астафьев, и Хечоян поднимают фундаментальные нравственные вопросы: взаимоотношения людей в условиях войны, противоречие между христианской моралью, патриотизмом и давлением системы, а также процесс формирования личности тех, чья юность пришлось на годы невиданных страданий. Философские размышления и живописные описания природы органично контрастируют с натуралистичными сценами повседневной солдатской жизни. В издательских аннотациях к этому роману Астафьева отмечается, что автор подвел в нем итог своим размышлениям о войне как о «преступлении против разума».

Левон Хечоян ведет свое повествование с подходом трезвого аналитика, стремясь сделать понятным для себя и читателя лик чудовища, называемого войной. Хечоян изображает войну не с позиции одной из воюющих сторон, а с «высоты», наблюдая это явление целиком. Он против самого явления войны, поскольку с обеих сторон страдают, сражаются и гибнут люди. Для автора важен не конфликт отдельных государств или армий, а человеческая трагедия, универсальный опыт страдания и моральной ответственности. Он без ложного героического пафоса раскрывает горькую, беспощадную правду о войне и человеке, когда неудержимая межнациональная вражда, вековая злоба и ненависть, задушив человеческие и рациональные начала, переросли в животный инстинкт разрушения, крови и кошмара ужаса. Вот как в контексте ужасов войны советский писатель Сергей Залыгин рассуждал о сдвиге в этике и литературе в эпоху ядерной угрозы, ссылаясь на известное стихотворение Маяковского: традиционно искусство занималось разграничением добра и зла, но теперь, с риском тотального уничтожения, возникает новый вопрос – о «ничто», т. е. о полном небытии. «...Раньше мы решали два уравнения: что такое хорошо и что такое плохо? И все время вся мировая литература и эстетика занимались этим вопросом. Но теперь появилось третье уравнение: что такое ничего? Вот мы перед какой реальностью встали»¹, – писал Сергей

¹ Цит. по: *Адамович А.М.* Проблемы нового мышления // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке: Сб. очерков. Вып. 21 / Редкол.: Н.Я. Эйдельман (отв. ред.) и др. М., 1988. С. 15–16: <https://archive.org/details/B-001-026-689-ALL/page/n19/mode/1up> (дата обращения: 24.01.2026).

Залыгин. «Я ненавижу войну, – писал Д. Лихачев. – Война разрушает культуру... Культура – душа народа, и война ломает ее безвозвратно»¹.

Почему же «Черная книга, тяжелый жук»? Если провести структурно-семиотический анализ, сразу станет ясно, что образ жука в романе появляется с поразительной частотой, и это, разумеется, не случайно. В психологическом поле персонажа тяжелый жук приобретает значение предвестника смерти, зловещего предзнаменования, появляясь каждый раз в тот момент, когда герой-писатель чувствует угрозу близкому человеку или когда холодное дыхание смерти касается лица. Образ тяжелого жука появляется, когда, например, автор-повествователь случайно убивает солдата выстрелом: «Пуля проходит сквозь затылок. Только что съеденное из блестящей банки мясо комьями возвращалось и выливалось из отверстия в затылке... Воздух теплый, сонный и дремотный... Пролетел тяжелый жук»². В произведении тяжелый жук становится символом именно утраты души, потерянной в кошмаре войны. Здесь череда историй о жажде, болезнях, пулеметных очередях, разрывах снарядов, о пленных, убитых перед обменом, о двенадцатилетней девочке, подвергшейся насилию, о двадцатиоднолетней азербайджанской пленнице, отвергнутой и презираемой своими, о чередке освобожденных армянских сел, о ликовании, о пьянящем ощущении победы – и о том, как не проживать эти чувства. Появление жука приносит с собой и другие знаки: туман, тяжесть, густую тьму, тени летучих мышей, гниль деревень, ночь. Согласимся, что это описание производит достаточно тяжелое впечатление. И не только на описательном уровне. «По какому закону бесконечного возвращения человеческий разум, такой слепой, блуждающий, заблудший, на протяжении веков остается пленным в игре дьявола, вновь и вновь возвращаясь к одним и тем же войнам и тому же миру, не освобождаясь от этой повторяемости и от себя самого»³, – задается вопросом Хечоян? «Поистине, повествование заключено в жизни человека, живущего в системе, не получающего помощи ниоткуда, в кажущейся полноте времени, которое он считает данным нашему разуму для измерения хода истории... на самом деле существует космическое время, по которому Бог убивает людей»⁴. Фраза «космическое время, по которому Бог убивает людей» – кульминация философской мысли Хечояна. Повествователь-ветеран войны выходит за пределы исторического нарратива, осознавая себя точкой в бесконечной системе. Это не просто свидетельство о Карабахской войне – это универсальное высказывание о человеческом бытии в преддверии смерти.

Война превращает людей в объекты, но диалог может вернуть им субъектность. Война, как и любой конфликт, должна рассматриваться как диалог, где голос каждой стороны должен быть слышен, а не как монологическое подавление. «Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией»⁵. Философская глубина романа позволяет выстроить значимые параллели с ключевыми мыслителями XX в. Концепция «вечного возвращения» Ницше обретает в прозе Хечояна кон-

¹ Лихачев Д. Письма о добром и прекрасном / Сост., общ. ред. Г.А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1985. С. 120.

² Хечоян Л. Черная книга, тяжелый жук. Ереван: Антаpec. 1999. С. 191.

³ Хечоян Л. На железных дорогах Европы: <https://nashasreda.ru/levon-xechoyan-na-zheleznyx-dorogax-evgoru/>

⁴ Хечоян Л. Черная книга, тяжелый жук. С. 192.

⁵ Бахтин М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 81.

кретную историческую плоть. Герой-писатель осознает себя пленником бесконечного цикла: война → мир → война. «Тяжелый жук» памяти не просто звук в голове – это ницшеанский закон повторения, по которому человечество обречено переживать одну и ту же катастрофу. Дантовский Авернум – пространство вечного повторения наказаний – находит свое воплощение в непрекращающемся гудении «тяжелого жука». Как грешники Данте, так и герой Хечояна бесконечно переживает одну и ту же смерть товарищей. Жук становится звуковым эквивалентом дантовского круга. Абсурд Камю обретает у Хечояна телесность войны. Человек сталкивается с предельным абсурдом: он борется за жизнь, но каждый выстрел приближает его к смерти. Сартровская идея утраты подлинного «Я» находит в романе Хечояна драматическое выражение. Герой уже не тот человек, который ушел на войну. «Тяжелый жук» пожирает идентичность, оставляя лишь пустую оболочку, блуждающую между мирами. Мрачный образ, «сопровождающий» тяжелого жука, дополняется черным цветом, причем сверкающим черным: «Сплошная тьма, тысячи черных облаков несутся в небе... В пространстве неба и земли только сверкающий черный, в него погружается, поглощается все: Пролетел тяжелый жук. ...Я не хочу, чтобы нервный шок повторился – сдерживаюсь. А сплошной черный стремительно надвигается, бьет – как библейское нашествие мрака и тьмы на землю...»¹ Вот почему именно «черная книга».

Примечательно, что в романе отсутствуют названия мест, упоминания конкретных локаций, где происходили бои. И это не так уж существенно. Сущностно важны впечатления, те чувства, которые бессознательно вкладывает в человека чудовищное явление, называемое войной, когда героизм и страх, любовь и ненависть, сила и тревога становятся товарищами, когда тоска по всему – по родным, женщине, запахам, краскам, еде – заставляют человека вновь осмыслить свое существование. Краткие описания полны драматизма и жадности к жизни. Вот одно из них: «Жена Саро бесплодна, не рожала, Саро сказал: “У меня будет сын”. Мы все хотели, чтобы жена Саро родила сына. Как только началась война, он писем не писал, мы все это заметили – знали, что после этого как же ему не иметь сына»². «Третьего, четвертого, девятого, десятого, одиннадцатого сентября были большие сражения... Как прекрасна осень, какой великолепный месяц – время урожая...»³ Насколько разителен этот контраст: война и человек, влюбленный в природу, охваченный жаждой созидания.

В романе совершенно иначе описывается и раскрывается образ солдата, который традиционно был самоотверженным защитником родины, героем, добровольно жертвующим жизнью за отечество. Хечоян пишет «о наивной романтике отправляющихся в освободительный поход добровольцев – стрелок промахнется, снаряд не долетит, ты победишь и с орденами на груди вернешься на родину и пройдешь в парадном строю по главной площади, и девушки будут шептаться и смотреть влюбленными глазами, – романтике, разбившейся о будни войны, об их жестокую правду... О сожженных селах и растянувшихся по обочинам дорог караванах беженцев. О последних патронах и страхе окружения. О снайперах, засевших в горах. О вшах, поносе, изнуряющей жаре и жажде, обмороженных ногах, о сутках без сна и сне, похожем на обморок, о гибели товарища, о мокрых грабовых дровах, которые шипят в огне и не греют... о том, что воин становится

¹ Хечоян Л. «Черная книга, тяжелый жук». С. 52.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 176.

жестоким из-за беспощадности войны и о том, что нельзя позволять войне войти в тебя»¹.

Образ войны в романе Ремарка «На Западном фронте без перемен», например, строится не столько через отдельные символические предметы, сколько через внутреннее состояние героя, пережившего радикальный разрыв с довоенной жизнью (как и у Хечояна). Война проникает в человека насквозь, становясь частью его телесной и психической памяти. Характерно признание героя о том, что пережитое невозможно преодолеть полностью: даже после физического возвращения с фронта война продолжает существовать внутри человека. «Теперь мы вернемся усталыми, в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды. Мы уже не сможем прижиться... Мы не нужны самим себе...»² Эти годы нельзя просто снять вместе с формой. Они слишком глубоко ими пропахли. Необратимость травматического опыта: страх, насилие и постоянное ожидание смерти перестают быть внешними обстоятельствами и превращаются во внутреннее состояние. В этом смысле страх у Ремарка не просто эмоциональная реакция, а структурный элемент послевоенного сознания. У Ремарка страх не уничтожает человека полностью, но лишает его прежней системы координат. Разум и мораль больше не выступают в роли устойчивых ориентиров: они подчинены опыту войны. В экстремальных условиях военного бытия страх начинает преобладать над рациональным началом: человек больше не действует на основе осознанного выбора, нарушается баланс между разумом и нравственной ответственностью. Страх становится ведущей силой поведения, тогда как мысль превращается в подчиненный инструмент, лишенный способности к полноценному моральному контролю. В прозе Левона Хечояна страх приобретает иное, более глубокое измерение. Он выступает не просто как психологическое состояние, а как метафизическая категория, способная занять место Бога или существовать вместо Него. Мир, в котором живет герой Хечояна, характеризуется молчанием Бога, разрушением нравственных опор и утратой устойчивых смыслов. «Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас, чтобы не слышать. Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши – беззаконием ...»³ В этих условиях страх становится основным двигателем существования, определяющим человеческие поступки и само восприятие реальности. Принципиальное отличие заключается в характере этого страха. Если у Ремарка страх противопоставлен разуму и обусловлен конкретной исторической ситуацией – войной, то у Хечояна он противопоставляется Богу как источнику смысла, справедливости и морального измерения бытия. Здесь страх уже не временное состояние, а онтологическая константа, почти сакрализованная сила, регулирующая человеческое существование. И если у Ремарка герой прежде всего боится физической смерти, то у Хечояна страх направлен на более глубокий уровень – страх утраты смысла и отсутствия высшего основания бытия. Это различие подчеркивает переход от исторически обусловленного опыта страха к его экзистенциальному и метафизическому осмыслению. В последней экранизации

¹ *Игрунова Н.* «Бог послал художника на Землю, чтобы он мог помолиться за людей»: разговор с Левонам Хечояном // Дружба народов. 2016. № 8: <http://www.intelros.ru/readroom/druzhba-narodov/d8-2016/30665-bog-poslal-hudozhnika-na-zemlyu-chtoby-on-mog-pomolitsya-za-lyudey.html>

² *Ремарк Э.М.* На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2007 (Гл. XII): https://loveread.ec/read_book.php?id=3319&p=54 (дата обращения: 28.01.2026).

³ Библия, Книга пророка Исаии, 59: 2–3: <https://bible.by/syn/23/59/> (дата обращения: 24.01.2026).

романа Ремарка был найден режиссерский прием: персонаж Кат хранит жука в коробке от спичек.

Для Хечояна солдат, сражающийся по эту сторону границы, ничем не отличается от солдата по ту сторону границы: ни те, ни другие не добрые и не злые, оба жестоки, оба борются за жизнь, оба убивают пленных перед обменом. Солдат противника тоже хочет жить, у него тоже есть дом, деревня с запахом, присущим только ей, он тоже в детстве бегал за овцами и возвращался домой с исцарапанными ногами, у него тоже есть история и память. Хечоян умеет видеть человека даже во враге. «В последнем бою среди пленных оказалась девушка-мусульманка. Мы отошли в лес и развели там костер. Девушка плакала, плакала, и скоро рукава, которыми она вытирала слезы, стали совсем мокрыми. Неожиданно раздался громкий треск – видимо, под тяжестью мокрого снега обломилась и рухнула сосновая лапа. Девушка испуганно закричала и сквозь толпу парней кинулась к Писателю. – Делайте, что хотите, только не бросайте меня в огонь! Переводчик пояснил: “Девушка говорит, что их вера запрещает им смерть от огня”... Девушка из того, что мы говорили, не понимала ни слова. Но почему-то ей казалось, что только Писатель может стать ее заступником. И он, похоже, это тоже понимал. Потому и закричал парням: – Не трогайте ее! Нечего отвлекаться. Отпустите ее, и все! Но ребята вдруг стали серьезными. – Вспомни-ка Мосо из нашего отряда. Он возле тебя сколько дней провел. Забыл, как они с ним обошлись? – Знаете, что самое ужасное может сотворить с нами враг? Заразить нас своим мертвечинным духом... Мы загасили огонь снегом и спросили Писателя, почему это он с ней как со своей разговаривает? Он громко объявил: – Да потому, что нет во мне к ней ненависти. Жаль ее, и все тут!» И эпическая дилемма вновь продолжается: линия раненых душ, невинно виновных пытается сохранить человека на грани человеческого противоречия, верить в него, в его грехи, в его слабость. Обе стороны, полные страха, обменивают не живых людей, а трупы, не оставляя иного пути для ненависти, достигшей предела внутреннего неистовства и вражды. Такова война, так было и так будет через тысячу лет. Во время войны пуля врага убивает двоих: одного – того, в кого она направлена, и второго – того, кто, даже с ненавистью, выпустил эту пулю. В конечном счете, на поле боя не остается живых, все считаются погибшими, и душа каждого оказывается раненой и искалеченной. Фраза Хечояна «целое поколение оставляет душу на поле боя» не просто наблюдение повествователя-ветерана, а универсальный закон войны, формула национальной травмы. Он осознает, что запах мертвого человека проник в него и больше никогда не выйдет. Хечоян показал то, что не решался сказать Хемингуэй: после войны НЕТ возвращения. Есть только вечное гудение «тяжелого жука» памяти. «Два дня назад мы передали им фамилии и номера личных удостоверений пленных, которые были у нас, назначили день обмена. Чтобы не сомневались, что пленные живы, предложили им по рации поговорить со своими родственниками. Поговорили. Те, оттуда, сказали: “Это правда наши”. Командир напомнил: – Есть третий пленный – девушка. Они сказали: – Третий нам не нужен. У командира на лбу выступили капли пота. – Но девушке всего двадцать один год. – Даже если бы было десять лет»¹.

Хечоян совершает уникальный синтез: армянский военный опыт становится универсальным философским высказыванием. Роман не просто свидетельствует о I Карабахской войне – он, без искусственных оттенков, показывает оголенную

¹ Хечоян Л. Черная книга, тяжелый жук. С. 216.

суть человеческого существования в моменты предельного опыта. «Кто знает, что важно? Возможно, существенно то, что я забыл молиться, и, быть может, только молясь, можно найти, что же существенно... Или чтобы достичь существенного, следовало ли мне писать о той черной тьме, что мне встретилась, о том, как на землю разлилась сверкающая ночь, в которой таяло, рушилось и поглощалось все. Стадо лошадей с громким треском пронеслось, пересекло путь, ушло в ночь и больше не вернулось»¹. Этот фрагмент – философская кульминация размышлений героя, где Хечоян мастерски сочетает экзистенциальный поиск смысла с апокалиптическим видением войны. Путь к миру не в друг друга, но возможно, что дорога проходит именно через них...

Хечоян просто пытается сделать понятным для читателя психологические состояния, простирающиеся до греха и за пределы греха. Эта формула точно определяет амплитуду психологического исследования Хечояна. Он не морализирует, а показывает непреодолимую логику травмы. Это не просто свидетельство ветерана, а глубокое исследование пределов психики. Автор сам понимает, что подал читателю трудноперевариваемый материал, что то, что он видел своими глазами, то, что ощущал на своей собственной коже, то, что довело его до безумия, вряд ли в полной мере станет доступно другому человеку. На последних страницах романа главный герой художник Онан надевает маску, смеется, хохочет, в то время как внутри душа корчится от боли. «Очень странно, что по-латински *persona* значит маска, – пишет Бердяев, – и связана с театральным представлением. Личность есть прежде всего личина. В личине-маске человек не только себя приоткрывает, но он себя защищает от растерзания миром. Поэтому игра, театральность есть не только желание играть роль в жизни, но также желание охранить себя от окружающего мира, остаться самим собой в глубине»². Вот как сам автор характеризует свой роман: «Весь роман о том... как противна война. Это роман про одного художника, писателя, который идет на войну, на три месяца, на четыре месяца, потом возвращается... а через месяц-полтора идет обратно на войну... Он об этой ежедневной жизни. Трудно рассказать коротко... Я пять лет писал эту книгу... Это так и написано, чтобы все боялись и больше не было войны»³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот роман представляет собой один из наиболее значимых примеров обновления армянской военной прозы конца XX в. Он демонстрирует смелый отход от классических форм репрезентации войны и утверждает новый тип повествования, в котором важнейшим становится исследование травматического опыта, глубинных структур человеческого бытия и последствий войны как предельного испытания. Анализ романа Левона Хечояна «Черная книга, тяжелый жук» позволяет утверждать, что война в художественном мире писателя предстает не столько как историческое событие или социально-политический конфликт, сколько как онтологическая катастрофа, радикально нарушающая фундаментальные основания человеческого существования. Хечоян отказывается от традиционно-героического или хроникального нарратива, характерного для армянской военной прозы предыдущих десятилетий, и выстраивает повествование, в котором центральным

¹ Хечоян Л. Черная книга, тяжелый жук. С. 248.

² Бердяев Н. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения: <https://dbs-lin.ruhr-unibochum.de/personalitaet/pdf/130.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).

³ Игрунова Н. «Бог послал художника на Землю, чтобы он мог помолиться за людей»: разговор с Левонам Хечояном.

становится опыт внутреннего распада, утраты идентичности и деформации сознания. С течением времени произведения о войне меняют свой характер. «В какой-то момент теряет относительное значение, о каком именно времени или событиях идет речь, поскольку для автора важнее восприятие явлений и разрушений, принесенных войной, а не конкретный эпизод. Следовательно, роман Левона Хечояна “Черная книга, тяжелый жук” посвящен не столько карабахской войне, сколько вообще феномену войны»¹.

Трансформация военного нарратива проявляется в смещении акцента с внешнего действия на психологическую и экзистенциальную рефлексию человека. Война осмысливается как состояние предельности, в котором герой вынужден сталкиваться с изнанкой мира – хаосом, абсурдом, неустрашимой травмой. Хечоян показывает, что в условиях катастрофы привычные системы ценностей утрачивают силу, а сама реальность приходит в состояние онтологической «трещины», где размываются границы между жизнью и смертью, прошлым и настоящим, реальным и фантастическим. Речь идет не о победе, а о человеческом поражении. Хечоян – один из тех авторов, кто понял, что даже в войне без угрозы ядерного уничтожения нет настоящих победителей. «Объект беспокойства для писателя – все человечество. Никто не может быть спасен за счет другого. Разрушение жизни обесценивает смысл самой войны»². В этом всеобъемлющем хаосе, одиночестве и кошмаре автор стремится постичь душу человека, его внутренний мир, заглянуть в глаза солдата, прислушивающегося к шагам смерти, ощутить внутреннюю борьбу того, кто стоит на грани бытия и небытия, и сказать правду. «Великий человек – это не только победитель, избранник Бога. Велик и побежденный, прошедший через поражение, познавший пустоту небес и создающий нового Бога, ищущий, заблудший... и сомневающийся до самого конца, идущий против исторического опыта веков, бунтарь, у которого внезапно в руках появляется молот, меч, камень, нечто проливающее кровь...»³, – резюмирует автор.

«Мне показалось, что чтение прозы Левона Хечояна требует особой сосредоточенности и непременно энергичного внутреннего соучастия. Поэтому и читаться разными людьми она будет по-разному. Сегодняшняя наша жизнь полна трагедий, катастроф и несчастий, природных и спровоцированных. Но ведь большую долю горечи и страданий мы приносим себе сами. Не только жестокостью, грубостью и подлостью, но и равнодушием, нежеланием и неготовностью услышать и понять того, кто рядом. Упорствуя же в своем стремлении “отодвинуть” чужую беду, не заметить чужую боль, человек черствеет и разрушается. Писателя постоянно мучают, раздрают эти кровотокающие, никуда не исчезающие вопросы»⁴.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович А.М. Проблемы нового мышления // Пути в неизвестное : писатели рассказывают о науке: Сб. очерков. Вып. 21 / Редкол.: Н.Я. Эйдельман (отв. ред.) [и др.]. М.: Советский писатель, 1987. С. 15–16: https://archive.org/stream/B-001-026-689-ALL/B-001-026-689_djvu.txt (дата обращения: 24.01.2026).

Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

¹ Григорян В. Творчество Левона Хечояна. С. 240–241.

² Там же. С. 241

³ Хечоян Л. Черная книга, тяжелый жук. С. 172.

⁴ Петрова Г. От переводчика: <http://armenianhouse.org/khechoyan/also-ru/petrova.html>

Бердяев Н.А. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/130.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).

Библия. Книга пророка Исаии 59: 2–3 <https://bible.by/syn/23/59/> (дата обращения: 24.01.2026).

Григорян В. Творчество Левона Хечояна. Ереван: Армав, 2019. 431 с. (На арм. языке)

Игрунова Н. «Бог послал художника на Землю, чтобы он мог помолиться за людей»: разговор с Левоном Хечояном // Дружба народов. 2016. № 8. : <http://www.intelros.ru/readroom/druzhba-narodov/d8-2016/30665-bog-poslal-hudozhnika-na-zemlyu-chtoby-on-mog-pomolitsya-za-lyudey.html> (дата обращения: 10.01.2026).

Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Сост., общ. ред. Г.А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1985. 238с.

Петрова Г. От переводчика: <http://armenianhouse.org/khechoyan/also-ru/petrova.html> (дата обращения: 02.12.2025).

Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2007. 320 с.

Хечоян Л. На железных дорогах Европы // Литературная газета. 2001. № 1–15: <https://nashasreda.ru/levon-xechoyan-na-zheleznyx-dorogax-evropy/> (дата обращения: 03.12.2025). (На арм. языке)

Хечоян Л. Рассказы. Обмен / Пер. с арм. Г. Петровой: <http://armenianhouse.org/khechoyan/fiction-ru/exchange.html> (дата обращения: 02.12.2025).

Хечоян Л. Черная книга, тяжелый жук. Ереван: Антарес, 1999. 420 с. (На арм. языке).

REFERENCES

Adamovich A.M. Problems of New Thinking. In: Paths into the Unknown: Writers talk about science. Issue 21 / Ed. by N.Ya. Eidelman. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 1987, pp. 15–16: https://archive.org/stream/B-001-026-689-ALL/B-001-026-689_djvu.txt (date accessed: 24.01.2026).

Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of the Act. In: Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook. 1984–1985. Moscow. Nauka Publ. 1986, pp. 80–160.

Berdyayev N.A. Me and the World of Objects: An Essay in the Philosophy of Loneliness and Communion: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/130.pdf> (date accessed: 20.01.2026).

The Bible. Book of the Prophet Isaiah 59:2–3: <https://bible.by/syn/23/59/> (date accessed: 24.01.2026).

Grigoryan V. (2019) The Works of Levon Khechoyan. Erevan. Armav Publ. 431 p.

Igrunova N. “God Sent the Artist to Earth so that He Could Pray for People”: a conversation with Levon Khechoyan]. *Druzhba Narodov*. 2016. No 8: <http://www.intelros.ru/readroom/druzhba-narodov/d8-2016/30665-bog-poslal-hudozhnika-na-zemlyu-chtoby-on-mog-pomolitsya-za-lyudey.html> (date accessed: 10.01.2026).

Likhachev D.S. (1985) Letters about the Good and the Beautiful / Compil. and ed. by G.A. Dubrovskaya. Moscow. Detskaya Literatura Publ. 238 p.

Petrova G. From the Translator: <http://armenianhouse.org/khechoyan/also-ru/petrova.html> (date accessed: 02.12.2025).

Remark E.M. (2007) All Quiet on the Western Front. Moscow. AST Publ. 320p.

Khechoyan L. On the Iron Roads of Europe. *Literaturnaya Gazeta*. 2001. No 1–15. : <https://nashasreda.ru/levon-xechoyan-na-zheleznyx-dorogax-evropy/> (date accessed: 03.12.2025).

Khechoyan L. Stories. Exchange / Transl. from Armenian by G. Petrova: <http://armenian-house.org/khechoyan/fiction-ru/exchange.html> (date accessed: 02.12.2025).

Khechoyan L. (1999) Black Book, Weighty Bug. Erevan. Antares Publ. 420 p.

Сведения об авторе:

Наира Манвеловна Искандарян,
кандидат филол. наук
кафедра Армянского языка и литературы
Российско-Армянский (Славянский)
университет
Naira.iskandaryan@rau.am

Naira M. Iskandaryan,
PhD
Associate Professor
Department of Armenian Language and
Literature
Russian-Armenian (Slavonic) University
Naira.iskandaryan@rau.am